

УДК 128; 130.31

ВРЕМЯ AD MARGINEM: ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕНЕНИЯ В ДЕТСТВЕ И СТАРОСТИ*

© С. А. Лишаев

Лишаев Сергей Александрович

доктор философских наук,
профессор

профессор кафедры
философии

Самарский национальный
исследовательский университет
им. С. П. Королёва

e-mail: lishaevs@bk.ru

В статье рассматривается соотношение возрастов по краям жизни. Особое внимание уделяется сопоставлению режимов детского временения с разными типами временения в старости. Общее в существовании детей и стариков (в сравнении с бытием взрослых), определяет неовременность их жизни или ее неовременность на надситуативном уровне. Временение в детстве и старости осуществляется или в режиме трехтактного временения (прошлое, настоящее, будущее) на ситуативном уровне, или в режиме производства (на)стоящего настоящего. Рассмотрена амбивалентность описаний возрастных формаций в терминах маргинального и нормального. Показано, что некоторые модусы детства и старости могут быть описаны и как маргинальные формы человеческого существования, и как его нормативные образы, по отношению к которым маргинальной оказывается взрослость.

Ключевые слова: возраст, детство, старость, взрослость, временение, маргинальность, надситуативное временение, ситуативное временение, (на)стоящее настоящее.

Когда философы размышляют о человеке, то имеют в виду взрослого, а ближайшим образом — зрелого. При этом детей, как людей еще не вполне сформировавшихся, и стариков, чей образ жизни не соответствует образу жизни взрослых, выносят за скобки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

В тех же случаях, когда предметом философского анализа оказывается человек в его темпоральном развороте, исследовательское внимание распределяется иначе: акцент делается на возрастах, отличных от взрослости¹. В лидерах оказываются детство и старость². Им посвящено наибольшее число философских, а также психологических и социологических исследований.

Края с краями сходятся? Не нужно обладать особой наблюдательностью, чтобы усмотреть определенную общность между теми, кто совсем молод, и теми, кто уже стар: и те, и другие «не при делах», и те, и другие в той или иной мере несамостоятельны и живут «одним днем», или, как минимум, не вовлечены в активную социальную жизнь³. Тот факт, что дети и старики отличаются и внешне, и по своей душевной организации, не требует доказательств. Напротив, то, что их сближает и позволяет противопоставить возраста по краям взрослости, требует описания и анализа.

¹ Интересно, что внутри возрастной когорты взрослых наибольшее внимание философии возраста привлекают те периоды взрослости, которые примыкают к границам зрелости и соседствуют с детством и старостью, вышедшей за рамки взрослости. Маргиналы взрослости — это *молодые и пожилые люди*, включенные в продуктивную деятельность и имеющие планы на будущее.

² Не все формы старости предполагают выход за рамки взрослости. Среди разных типов бытия-старым есть и типы, у которых нет ничего общего с детством. Это старость, сохраняющая режим надситуативного (взрослого) временения.

Старость завершения предполагает специфический по установке — не характерный для зрелости и молодости — надситуативный хронопозис (для обозначения разных модальностей временения здесь и ниже по тексту мы, наряду с термином «временение», воспользуемся термином «хронопозис», который ввел в терминологический оборот отечественной философии А. Секацкий (см., напр.: *Секацкий А. К. Неспешность: онтологические и теологические аспекты // EINA: Проблемы философии и теологии. Том 1. № 1/2 (1/2) 2012. С. 25-26*)). Надситуативный хронопозис поддерживает воля к завершению всех дел и извлечению смысла из жизни как целого. Завершение жизни — это цель, исполнение которой отодвигают в надситуативное будущее ее завершенности.

«Героическая» старость воспроизводит надситуативный хронопозис зрелости: жизнь — это движение к далекой цели, работа на результат, наращивание объективаций самости. *Оба типа старости принадлежат к материку взрослости* и воспроизводят историчность как способ бытия Dasein.

Специфика старости (и в этом ее отличие от детства) в том, что у старика — до момента наступления ментальной или физической смерти — есть возможность избрать тот или иной способ бытия старым. Сам выбор не возникает на пустом месте, его готовит предшествующая жизнь и представление о достойной старости (о старости люди думают на протяжении всей взрослости, но особенно часто — во второй половине зрелости). В каком-то смысле к старости человек готовится всю свою жизнь. Но все же выбор делается им на границе со старостью и в самой старости.

Внимание данного исследования фокусируется на тех типах бытия старым, в которых человек вольно или невольно (нехотя) расстается с надситуативным хронопозисом и с «нормальной взрослостью».

³ О единстве детства и старости в их способности иметь дело с тем, что она называет «далью» в предметах не так давно писала, например, Ольга Седакова (*Седакова О. А. Путешествие с закрытыми глазами: Письма о Рембрандте*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. С. 43–45).

Заметная невооруженным взглядом общность между детьми и стариками фиксируется и коллективным опытом поколений. В народе говорят: «Старый, что малый, а малый, что глупый». Народная мудрость утверждает, что и те, и другие уступают «нормальным взрослым» в адекватности и способности вести самостоятельную жизнь. Это с одной стороны.

С другой стороны, крайние возраста в народном сознании сближаются как периоды, в которые человек ближе к истине и правде, чем в срединные годы взрослости. Если от кого-то ожидают услышать слово истины, то от стариков или детей, которые «не от мира сего» («сей мир» — мир, освоенный взрослыми). Коллективный разум народа исходит из того, что «доступ к истине» открыт скорее возрастным маргиналам, чем «центральному нападающим» общественной жизни⁴. Здесь напрашивается аналогия с народным отношением к шутам и юродивым как людям, имеющим прямой доступ к истине и право на правдивое слово там, где другим в нем отказано под страхом смерти.

В народном сознании соприсутствуют противоположные оценки стариков и детей как, с одной стороны, людей, обрученных с глупостью («несмышленный ребенок», «старый дурень»), а с другой, как на людей приближенных к истине и заслуживающих особого доверия. Понятно, что коллективные предрассудки не рождаются на пустом месте, но и доверять им без специального рассмотрения вопроса не в правилах философского мышления. От амбивалентной оценки старости и детства можно лишь оттолкнуться в изучении того, что, возможно, соединяет крайности, отделяя их от взрослости.

Если исходить из того, что возраст — это *темпорально обусловленный* модус бытия-в-мире, необходимо сопоставить *хронопоэзисы* детства и старости, а затем, описав то, что их объединяет, соотнести детство и старость с *временением* взрослых.

Что же представляет собой порядок временения, доминирующий в молодости, зрелости и в модусах старости, темпорально не отделившейся от взрослости?

В период взрослости в темпоральном раскладе существования *господствует надситуативное временение*, генерируемое постановкой долгосрочных целей и принятием на себя долговременных обязательств. Оно направляет и организует временение на ситуативном уровне. Имеется ли какое-то сходство между до-взрослым временением ребенка и пост-взрослым временением старика? Предварительный ответ звучит так: и в детстве, и в некоторые типы старческого этоса отсутствует надситуативный уровень хронопоэзиса, а в некоторых модусах детства и старости — персональный хронопоэзис как таковой.

Ребенок идет от немoty бессознательного существования (из отсутствия) к артикуляции своего бытия, от безвременья раннего детства — к освоению искусства темпорального обустройства жизни, к бытию от первого лица. Но надситуативный уровень временения ребенку еще *не доступен*. Его апроприация — задача, которую решают подростки и юноши.

Старый человек, осознающий ограниченность своей жизни (ограниченность соматического хронопоэзиса), по собственной воле или же под давлени-

⁴ Принято говорить о «мудрой старости». Но истину можно почерпнуть и у ребенка: «устаи младенца глаголет истина».

ем обстоятельств *прекращает генерацию надситуативного времени*, завершает индивидуальную историю.

Таким образом, можно утверждать, что общность между детьми и стариками основывается на общих им характеристиках хронопоэзиса.

Попытаемся описать специфику временения на возрастных полюсах, не упуская важных для его понимания подробностей.

Темпоральные параллели.

Детство и старость: до и после персональной истории

Маргинальное положение у границ жизни, отсутствие хронопоэзиса или хронопоэзис в отличном от взрослости формате — то, что сближает стариков и детей. Чтобы выявить общее в их существовании, необходимо дифференцировать разные типы бытия ребенком и сопоставить их не со старостью вообще, а с различными ее модусами. Лишь в этом случае мы сможем детализировать, подтвердить или опровергнуть исходное представление о близости «старых и малых».

1. Бытие без времени. В-другом-бытие как формат Присутствия без присутствующего (режим «я за него»). В младенчестве человек еще ничего в мире не понимает (здесь Dasein — это его возможность, но еще не действительность). Он присутствует в нем через людей, *представляющих его интересы*: через мать и других родственников. Нужды и желания младенца артикулируют его близкие. Сам по себе он еще отсутствует. За него присутствуют другие, видя в нем понимающее (присутствиеразмерное) сущее — человека⁵.

Форму ино-присутствия (форму «в-другом-бытия») мы найдем и на границе старости и смерти: если человек страдает тяжелой формой расстройства сознания и полностью утратил способность понимать происходящее, он существует в модусе отсутствия (не-в-себе-бытия). Старость не-в-себе подобна младенческому не-в-себе. Старик, как и младенец, существует в режиме ино-бытия, присутствуя в других: в дочери, сыне, внуке, сиделке, представляющих его интересы. Такая форма существования не слишком отличается от посмертного бытия в памяти друзей и родственников.

И в том, и в другом случае речь идет о состояниях, обусловленных не свободным выбором, но логикой хроно-био-поэзиса, лимитирующего возможность бытия-в-мире *снизу*, через темпорально-биологические ограничители экзистирования. И младенец, и старик отсутствуют не по своей воле. У младенца ее еще нет, у старика — уже нет. Правда, между двумя режимами бытия-в-другом (то есть инобытия) имеется и различие: младенец отсутствует лишь временно, он *будет присутствовать* (из чего и исходит его представитель); отсутствующая старость такой перспективы лишена. Представитель старика знает, за кем он ухаживает, *что это за человек*, какова его судьба. Представитель младенца этого не знает, но может вообразить его будущее, вложив в него свои ожидания и надежды.

⁵ Более подробно о детстве, его периодизации и экзистенциальной конституции каждого из его возрастов см.: Лишаев С. А. Четыре возраста детства // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2016. № 3. Вып. 2. С. 145–156.

Есть и еще одно различие между в-другом-бытием младенцев и стариков. Младенчество *универсально*, через него проходят все, кто доживает до взрослости. В старости режим полного отсутствия встречается, к счастью, не так часто. Обычно жизнь завершается до погружения в полное отсутствие.

2. Присутствие без присутствующего (не-при-себе-бытие). В период от 1, 5 до 2,5-3-х лет дети *ясельного возраста* существуют в режиме не-при-себе-бытия. В этот период они входят в режим Dasein, но он качественно отличается от Присутствия взрослого человека. Это уже не в-другом-бытие, но бытие-в-мире еще не авторизовано. Ясельный ребенок понимает, но понимает лишь то, что поименовано близкими. Круг понимаемого, различного, поименованного ограничен узкой рамкой доступного сущего. То, что малыш именуется, не отнесено к его «я». Естественный свет разума не обрел в теле ребенка хозяина всего воспринимаемого и именуемого. Бытие-в пока что не-отцентрировано. О таком Присутствии (Dasein) не скажешь, что *оно* мое. Это Присутствие без «я» (чем и обусловлено отсутствие ранних детских воспоминаний). Dasein ясельного ребенка — это бытие *от третьего лица* («Маша (хочет) кашу!»). Ясельное детство знает себя (отнесено к себе) через других и другое. Все, что он знает, он знает через игровое взаимодействие с людьми и вещами, поименованными взрослыми, с тем, что поименовано и опробовано: все, что окружает малыша в этот период, превращается в игрушку, в то, с чем он вербально и телесно взаимодействует. Его Присутствие неотделимо от других и другого⁶. Сущее поименовано, но оно не противопоставлено ребенку как я-сознанию. Как наблюдатель и деятель он не находится «против» того, что наблюдает и совершает сам или совершает через близких: они его ноги, руки, речь и т. д.

Ясельная форма Присутствия маргинальна по отношению к нормальному (взрослому) способу бытия-в-мире. Неполной отделенности от окружающего сущего соответствует его неовременность. В этом возрасте дети только-только начинают отличать «теперь» от «не теперь», без четкого разделения «не теперь» на прошлое и будущее. Разведение «теперь» и «не теперь» происходит тогда, когда осознанное и вербализованное желание наталкивается на препятствие: «не теперь, Маша, потом», «это мы с тобой ели в обед» и т. д. «Не теперь» появляется со стороны. Благодаря периодическим задержкам исполнения желаний, малыш вынужден осознавать различие между «теперь» и «не теперь»: «Саша, сейчас же убери игрушки!», «Нет, гулять пойдем вечером!». Самостоятельно свои действия ясельный ребенок не овременяет. У него нет в этом необходимости. Его желания исполняются не им, а другими. У желаний ясельного ребенка нет собственника. Его Dasein вовлечен в семейный хронопозис и является его функцией. Ребенка «водят за руку» взрослые. Он пока нуждается в вожатом, угадывающем, артикулирующем, исполняющем его

⁶ Глубокий анализ этой формации детства см.: Бибихин В. В. Общение без индивида // Слово и событие / В. В. Бибихин. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. URL: http://bibikhin.ru/obshenie_bes_individa (дата обращения: 20.09.2019).

желания. Попечитель (родитель, нянечка) исполняет желания или накладывает на них полный или ситуативный, временный запрет: «Фу, брось, это бяка!», «Не сейчас, потом!».

В старости мы без труда обнаруживаем формы существования, подобные не-при-себе-бытию ясельного ребенка. В силу конечности соматического хроноресурса какая-то часть стариков (и чем выше средняя продолжительность жизни, тем большая) доживает до неадекватности (до сенильной деменции). У части людей, перешагнувших 80-ти летний рубеж, ментальные способности угасают раньше, чем прочие системы и подсистемы организма (медицинская статистика утверждает, что после 85 лет около 30-40 % (а по некоторым данным — до 50%) стариков страдает от деменции⁷). На определенных стадиях слабоумия сохраняется способность к пониманию происходящего, но Присутствие становится *зыбким* в своем центре, или полностью утрачивает форму «от первого лица».

Старческая амнезия (особенно в тяжелой ее форме) приводит к тому, что Dasein *возвращается* к тому, что имело место на заре Присутствия, *к своей полевой, бессубъектной форме*, имевшей место в ясельном детстве. Но если в детстве это была короткая фаза в ходе освоения площадки Присутствия, то в старости существование «без царя в голове» во-первых, затягивается и, во-вторых, имеет всего два исхода: или утрату способности бытия-в еще при жизни, или физическую смерть. Старик, который живет не-при-себе (не-в-себе), перестает узнавать близких, не помнит своего имени, не способен самостоятельно ориентироваться в пространстве (легко может потеряться) и времени. Его «я» как единство того, что было-есть-будет с этим-вот-телом, не воспроизводится. В ахронической старости Присутствие утрачивает собранность. Оно не удерживает себя в единстве трех времен, не контролирует время, не воспроизводит его. Несмотря на то, что способность к пониманию в не-при-себе-бытии старика утрачена не полностью, жесткая привязка происходящего к тождественной точке сборки нарушена, и самостоятельное существование такой старости не по силам.

Итак, формы существования *без воспроизводства единства бывшего, настоящего и будущего* как темпоральных образов «я» (существование в форме без «царя в голове»), можно обнаружить и в ясельном детстве, и у стариков, страдающих тяжелыми формами расстройства памяти и сознания. Эти формы Присутствия обладают структурным сходством и обусловлены кондициями человеческого тела в маргинальных модусах био-хроно-поззиса, обеспечивающих лишь бессубъектную форму Присутствия в сообществе других людей, удерживающих жизнь ясельных малышей, больных деменцией стариков в единстве прошлого, настоящего и будущего.

3. Присутствие в режиме при-себе-бытия. В этом режиме существования Присутствие обрело центр и отрабатывает навыки бытия от первого лица на игровом полигоне детства (от возраста 3-3,5 лет до 7 лет). В этот период

⁷ Милевски И. Кто рискует в старости заболеть деменцией? URL: https://med.univer.com/Medical/Neurology/starcheskoe_slaboumie_demencia.html (дата обращения: 26.09.2019).

происходит приватизация Dasein (кризис тех лет). Игра отождествлений в определенной степени теряет свою спонтанность и активно практикуется в игре с другими детьми (период сюжетно-ролевых игр). В ролевых играх сохраняется «я»-дистанция по отношению к роли, к товарищам по игре и их ролям, к самому себе как играющему (позиция «как если бы я сам врачом» предполагает ясное сознание того, что «я», играющий в больницу, не врач, а маленький мальчик).

Через общение со взрослыми и адаптацию к заданному ими распорядку дня ребенок осваивает основные временные понятия.

А в ходе игры он учится про-активно удерживать *прежде* и *потом* в игровом *теперь* как учредитель или участник игровой ситуации. При этом определяющим для него является «теперь», а «прежде» и «потом» от него производны. В игре все происходит в режиме «как будто бы», так что ребенок, находясь в безопасности, отрабатывает навыки общения, последовательного действия, воображения, перевоплощения, временения и т. д. Отделение воспринимающего и понимающего от воспринимаемого и понимаемого происходит не только в игре, но и вне игры. Однако *бытие от первого лица* в игровом действии имеет *формальный характер*, самость ребенка развернута лишь в узких рамках «как если бы» и в безопасном хронотопе семейного быта. Она не определена содержательно и не способна к самостоятельному хронопозису там, где его не питает игровой интерес (когда хочется доиграть до конца). Ребенок здесь уже относит к себе свои желания, нужды и действия, но управлять собой и происходящим вокруг него он способен преимущественно в игровом хронотопе (*как будто бы я был взрослым, летчиком, врачом, мамой и т. д.*)⁸

В старости мы можем обнаружить модус бытия-старым, в котором «я» как центр желаний и переживаний сохраняется, но из-за забывчивости (из-за легкой формы амнезии) и проблем с удержанием сложной последовательности действий (когда трудно довести начатое до конца, не бросив его на одном из этапов), старик не способен жить самостоятельно, без сопровождения (он нуждается в помощи близких, в содействии социальных работников, персонала больницы и т. д.). Сохранение я-сознания — одна из форм *старости-подпатронажем*. По своему хронопозису она напоминает темпоральное устройство игрового детства.

Конечно, в жизни таких стариков нет ни сюжетно-ролевых игр, ни той открытости, восприимчивости и обучаемости, которые мы находим в игровом детстве. Однако структурно, по характеру временения они друг другу соответ-

⁸ Переход от формального к действительному (действующему, управляющему собой) «я» занимает все отрочество и отмечен подростковым кризисом, суть которого состоит в переходе от ситуативного временения к надситуативному хронопозису, в переходе от детства к взрослости. Подросток учреждает свое собственное (а не ситуативно заданное) время, поскольку утверждение *своего* Присутствия невозможно без сепарации *своего* прошлого, настоящего и будущего от прошлого, настоящего и будущего других людей. Собственное время — необходимое условие самореализации. Собственное время появления тогда, когда ты делаешь нечто не потому, что тебе сказали это сделать («молодец, послушный мальчик»), а потому что *ты* пообещал что-то сделать и идешь к обещанному, к цели, меняя настоящее в опоре на то, чего еще нет.

ствуют. И в игровом детстве, и в патронируемой старости имеется бытие от первого лица, способность к пониманию, зависимость от своих желаний и нужд, способность артикулировать их как свои, неспособность (частичная способность) удовлетворить свои потребности собственными силами. Выполнение последовательности разнесенных во времени действий предполагает хорошую память и полный контроль над исполнением всех промежуточных актов. Но для детей игрового периода (если это игровые действия) и патронируемых стариков это слишком сложная задача.

* * *

Три описанных выше параллели между стариками и детьми имеют одну особенность: на стороне детства один из *обязательных этапов* в развитии человека (те или иные формы девиации детского развития не рассматривались), на стороне старости — те формы существования, которые *не* являются *необходимыми* фазами жизни. Описанные выше формы старческого существования не относятся к свободно избираемым возрастным этосам. Следование последним предполагают полную сохранность экзистирующего Dasein.

Разные периоды детства и разные формы бытия ребенком мы сравнивали с разными стадиями старческой деменции. Она касается не всех стариков. Такое сравнение тем не менее правомерно, поскольку разные формы слабоумия настигают человека в силу истощения соматического хроноресурса, а ближайшим образом — ресурсов головного мозга, то есть не «когда угодно», а на излете биохронопозиса. Иначе говоря, разные формы деменции не случайны, а *закономерны*, хотя они, в отличие от модальностей детства, не являются необходимыми фазами старения. Но поскольку деменция часть старых людей все же настигает, это делает ее сопоставимой с первыми фазами детства.

Для философии возраста наибольший интерес представляет исследование параллелей между детством и старостью в тех из их возрастных модусов, в которых старость не деформирована «снизу» (нейрофизиологически), а ребенок освоил форму бытия от первого лица. Ниже мы рассмотрим соответствия в порядке временения и организации жизни, которые прослеживаются там, где старики живут *свою* жизнь самостоятельно⁹, а дети перешли к ситуативному временению «вне игры», к жизни, стесненной обязанностями.

4. Ре-активное временение в годы отрочества и в старости, живущей «от ситуации» (в мелочной старости). В отрочестве (от 7 до 12-13 лет) условное *при-себе-бытие*, оставаясь одним из модусов детства как *бытия при взрослых*, обретает способность к произвольному временению в хронологических рамках заданной извне ситуации. Отрок вырабатывает навыки самоконтроля и подчиняет вольное «хочу» социальному хронопозису, заданному семьей и школой. Он уже не живет исключительно в настоящем, и это отличает его от дошкольника, который безмятежно играет «в манеже» или следует за взрослыми. Он *учится ре-активному овременению* жизни в тех пространственно-

⁹ О типологии старости см.: Лишаев С. А. К типологии старческого этоса. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 2 (22). С. 13–23.

временных рамках, которые заданы ему средой (а ближайшим образом — взрослыми).

Отроки вынуждены структурировать свое настоящее, чтобы вписаться в распорядок дня, недели или месяца («не опоздать в школу», «помыть полы», сделать «домашнее задание»). Цели и обязанности (задания) продуцируются ситуацией, которую создают взрослые. Отроки к ней адаптируются и учатся не забывать и рассчитывать время на будущее. Иначе говоря, им приходится организовывать себя через рационализацию времени. О заданном надо вспомнить и вовремя его выполнить, отложив то, что хочется, «на потом». Адаптация к новым условиям требует *рационализации, организации* Присутствия. Давая отроку задание, взрослые понуждают его *организовывать свое настоящее с учетом прошлого и будущего*. Обязанности заставляют актуализировать временные понятия, усвоенные отроками временные понятия.

Ситуативное временение отрока последовательно расширяется до недели, месяца, четверти, учебного года. Удержание трех времен в их собранности требует от отрока темпоральной аскезы, поскольку удовлетворение от учебы не связано (у большинства детей) с процессом учебы и получением новых знаний¹⁰. Оно имеет *опосредованный характер*: хорошие оценки обмениваются на расположение (похвалу) родителей и, шире, взрослых, от которых ребенок полностью зависим и в расположении которых он нуждается. Чтобы сохранить расположение (любовь) близких, приходится брать на себя заботу, тревожиться, преодолевать сиюминутное «хочу» ради выполнения скучного, но важного по своим последствиям дела («надо, чтобы родители были мной довольны»). Отрыв от непосредственно данного в пользу того, что «не теперь» — трудная задача, решать которую отрок научится не сразу и не полностью¹¹. По мере овладения активным временением ребенок освобождается от власти непосредственно данного; власть данного утрачивает свою непреложность за счет власти над настоящим того, что «не теперь», «чего нет».

Однако отрок — это ребенок, у которого еще нет собственных целей и долговременных обещаний. Он уже в какой-то мере сам организует свое время, но делает это как исполнитель, а не как автор. Он не живет из того, что было *им самим* задумано в прошлом, не живет *своими* обещаниями и целями. Обещания он, конечно, дает, но они «его» только отчасти, поскольку обусловлены *ситуацией*, требующей того-то и того-то. Взрослость — это личные цели, обещания и ответственность за их исполнение. Надситуативное временение — темпоральная основа персонального хронопоззиса взрослого человека, самореализация которого осуществляется через постановку и исполнение долговременных целей. Но отроки *еще* не перешли к самореализации в чем-то в качестве кого-то. Они живут за счет среды и не заняты решением практических

¹⁰ Учить уроки дети обычно не любят. Наука не вызывает у них интереса. Учеба — по сравнению с игрой — всегда скучна.

¹¹ Взрослые люди продолжают бороться со своим внутренним ребенком, со стремлением делать то, что хочется. И не всегда взрослый человек с его рационально осмысленным «надо», «должно», способен победить ситуативное «хочу/не хочу». И все же не «хочу» владеет взрослым по большей части, а «надо».

задач (как найти средства к существованию, как добиться общественного признания)¹², их жизнь свободна от решений и обязательств, требующих «пота и крови»¹³. Ни игра, ни учеба не производят того, что востребовано обществом и имеет цену для других людей, что можно продать и получить средства к существованию. В них производится (образовывается) сам играющий и обучающийся.

В старости мы находим этос, который по своей темпоральной структуре подобен отрочеству. Это старость, в которой *живут*, исходя из текущей (бытовой) *ситуации*. В ней заняты самообслуживанием, работой по дому, заботами о здоровье, помощью ближнему. Все, что выходит за рамки необходимого в бытовом плане, такая старость не удерживает (она лишена целей, планов, обязательств, которые определяли бы собой ее настоящее). Старик отзывается на просьбы близких (посидеть с внуками) и соседей (полить цветы, забрать из ящика почту), на советы лечащего врача, но он не «ведет своей линии», не добивается *своих* целей, *не формирует своего настоящего через образ будущего или через вертикаль Другого*.

Конечно, разница между отроками и стариками, живущими в режиме бытовых забот, имеется. Старого не надо подгонять с работой по дому, с выполнением повседневных обязанностей, в то время как отрок, оставшись без контроля со стороны взрослых, не будет, скорее всего, делать то, что требует ситуация за рамками того, что происходит теперь. У старика есть деньги (пенсия, накопления, средства, полученные от детей), есть опыт самостоятельной жизни, и это позволяет ему самостоятельно решать основные вопросы быта. У отрока же нет никаких средств к самостоятельной жизни, как нет и соответствующего опыта. Он — при-другом. Средствами «на него» владеют и распоряжаются его близкие. Если старик к самостоятельной жизни хорошо адаптирован (пусть самостоятельность и ограничивается бытом), то отрок нуждается в опеке. Бытовая старость оставила тяжелую работу по ковке персональной истории и отошла от «нормальной взрослости», но все же такая старость намного ближе к взрослости, чем при-другом-бытие отрочества.

И все же между отрочеством и бытовой старостью явно имеется сходство, параллелизм. Хотя такая старость способна забегать в далекое будущее и погружаться в персональное прошлое, эти темпоральные экстазисы *не определяют индивидуального хронопоззиса, не меняют ситуации*, в которой она пребывает. И этим она походит на отрочество. Надситуативное временение в мелочной старости не работает: мотивация к достижению дальних целей или утрачена («жить осталось недолго, изменять что-то поздно»), или нет сил для того, чтобы каждый день идти к отдаленной цели. Замкнутые в кокон ситуа-

¹² О роли среды в жизни ребенка и о его взаимодействии с ней, проводя разграничение между «детской» и «взрослой» установкой размышляет Е. В. Косилова (см.: Косилова Е. В. *Философия возраста: Взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека*. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 22–65).

¹³ Взрослые (свое-вольные) цели и необходимость «платить по счетам» появляются у подростков вопреки препятствиям, воздвигаемым школой как общественным институтом. Подростки — это невзрослые взрослые, осваивающие взрослый хронопоззис.

ции, отроки и люди мелочной старости компенсируют эту замкнутость средствами воображения. Отроки уходят в воображаемые миры, предлагаемые ему книгами, фильмами, компьютерными играми и т. д., а старики погружаются в преображенное биографическое прошлое или, на худой конец, в виртуальные миры телевидения и компьютера.

Предметность ситуативного временения бытовой старости, подобно тому, как это было в годы отрочества, задана запросами тела и запросами-заданиями его близких (забрать внука из школы, не опоздать на прием к врачу, не забыть заплатить за квартиру и т. д.). Близкие — это расширение тела старого человека (их запросы трудно отделить от собственных запросов). Время бытовой старости, как время отроков, а-исторично. В нем правит логика циклического повторения бытовых забот и незатейливых развлечений: телевизор, сплетни на скамеечке, книги, кроссворды и т. д. Ожидания ограничены текущей ситуацией и циклически повторяются. Только бросок в далекое будущее мог бы распрямить кольцо цикла в дорогу, ведущую к цели, а установка на Другое — придать полноту настоящему. Но мелочная, бытовая старость на такое неспособна, она способна адаптироваться к привычной ситуации, к ситуативному временению, то есть к тому же, к чему способно и отрочество. Правда, отроки адаптируются не к привычной ситуации, а к постоянно меняющейся ситуации и осваивают новые знания и навыки.

При всей близости временного устройства жизни *хронопозиции* отроков и стариков в размерности индивидуального века противоположны. У отроков есть будущее, они знают, что станут взрослыми. Мелочная старость знает о своей содержательной бедности, но обновления жизни не ожидает, доживает ее «на малом ходу».

5. Эсхатологическая старость и детство. Помимо модусов старости, которые были соотнесены с модальностями детства выше, остается еще один модус — *эсхатологический*. Этот тип старости обнаруживает параллели с хронопозисом отрочества и игрового детства.

Этос *эсхатологической* (или, иначе, *ветхой*) старости определяется вольным завершением персональной истории и требует переориентации Присутствия с достижения внутримирных целей на согласование «я» с Другим. *Ветхая* старость¹⁴ настроена на то, что хорошо само по себе. Соотнесенность с тем, что замкнуто на себя (самодостаточно, самоценно), предполагает непереходность настоящего. С непереходным настоящим старик встречается в созерцании безусловно особенного в не имеющей внешней цели деятельности, в дружеском общении, etc. И (на)стоящее настоящее, и само по себе хорошее — это образы внутримирной данности вневременного (Другого). Производство настоящего, свободного от переходности (от прошлого и будущего) и есть то, что связывает детство с эсхатологической старостью.

¹⁴ Ветхой называют вещь, которая еще есть, но уже не используется по назначению, освободившись от своей «чтойности». Термин ветхость применительно к старости указывает на переход к существованию по ту сторону представлений о собственной значимости (от том, что я сделал, что я собой представляю).

Если общность темпорального профиля мелочной (бытовой) старости и отрочества определена ситуативно ограниченным, ориентированным на адаптацию к ситуации хронопозисом¹⁵ (подробнее см. выше), то темпоральное единство ветхой старости и отрочества основано на непереходности настоящего. Непереходное настоящее объединяет созерцание, размышление, активное недеяние (самоцельную деятельность) и отрочество-в-игре: играющие отроки забывает обо всем, кроме того, что происходит теперь. Старость *по ту сторону ситуативных забот и ситуативного временения* близка отрокам, освободившимся от школьных и домашних заданий. Самодостаточность игрового «теперь» и самодостаточность того, что само по себе хорошо, рифмуются с непереходным настоящим и связывают эсхатологическую старость с игровым детством и с отрочеством в игре. Пост-историческое бытие эсхатологической старости подает руку до-историческому жизни играющего ребенка. Переход к пост-истории конституируется решимостью остановить авто-био-графическое строительство ради жизни, соотношенной с вертикалью Другого. При этом производство (на)стоящего настоящего в детстве и старости имеет свои особенности.

В детстве доминирование настоящего производно от *при-другом-бытия*: для ребенка есть только *теперь*, к которому он, играя, а в отрочестве еще и обучаясь, адаптируется. Его прошлое и будущее — не его забота, а его родителей. Формировать мир «под себя», «в свою пользу» он не в состоянии (в том числе и за неимением содержательного образа себя в будущем). Ребенок играет и с собой, и с миром, принимая то, что есть, как данность. Он не покидает настоящего, а если и покидает, то за счет ситуации школьно-домашнего настоящего: в ней возникают внутри-ситуативные настоящее, прошлое и будущее. Границы ситуации определяются полученными от взрослых заданиями. Родители ставят ребенка перед необходимостью превращения непереходного настоящего в переходное, ограниченное внутриситуативными прошлым и будущим.

Доминирование настоящего в эсхатологической старости — *не данность, а результат внутренней работы*, обусловленной сознанием близости конца века (границы жизни), истощением будущего. Оно производно от смены базовой экзистенциальной установки. Характерная для взрослости установка на самореализацию (предполагающая длинную волю и надситуативное временение), сменяется установкой на координацию с Другим. (На)стоящее настоящее эсхатологической старости — это темпоральная проекция вневременного, Другого. Этнос ветхой старости ориентирован на то, что просто, что есть безотносительно к прошлому и будущему, что не служебно. Установка на самоценность сущего деактивирует трехфазное временение (время, разделенное на будущее-настоящее-прошлое) в его надситуативной и ситуативной размерности и наоборот, деактивация трехвременного хронопозиса делает возможным¹⁶ переход к временному режиму (на)стоящего настоящего.

¹⁵ Производный «от текущих нужд» хронопозис делает отрока «почти взрослым», а старику позволяет сохранять самостоятельность в повседневности.

¹⁶ Деактивация трехвременного хронопозиса делает возможным режим настоящего настоящего, но не гарантирует его, поскольку выход из взрослого временения (особенно, если отсутствует установка на Другое) порождает чувство мучительной

(На)стоящее настоящее как хронопоэзис ветхого старика отличается от вовлеченности в настоящее ребенка. Ребенок поглощен происходящим, потому что... он ребенок. То, что есть, для него волшебю, он окружен множеством особенных вещей¹⁷. Его очарованность (например, зеленоватым светом, испускаемым светлячком) связана с отсутствием собственной (особой, самостоятельной) жизни и с яростью восприятия сущего, которые ребенок видит первым взглядом. Сам он пуст, его «я» еще не имеет ничего своего и открыто другому. Встречное сущее не помещается им в рамку годами воспроизводимых представлений, стереотипов, готовых мыслительных схем. Воспритое не проходит и неосознаваемой «я» проверки на соответствие долговременным планам и обязательствам. Радость, интерес, восторг, скука, страх индуцируются не тем, что было или будет за рамками текущей ситуации, а тем, что есть теперь.

В эсхатологической старости, которая отвлекается от содержания собственного «я» (жизнь для такого старика содержательно-исторически завершилась) и покидает мир как площадку для самоутверждения, заново его открывает, возвращая сущее в режим (на)стоящего настоящего. Такое возвращение — *результат духовной работы*, оно не происходит автоматически, «по ходу жизни». Только радикальная перемена ума, осозанный отказ от эмпирической субъектности в пользу Другого, возвращает старцу простоту детского взгляда¹⁸.

В эсхатологической старости самоопределение (как важнейший признак взрослости) принимает форму отказа от целеполагания (самоутверждения) в режиме трехфазного хронопоэзиса в пользу бытия в соотнесенности с Другим. Такая старость открыта для всего, что обнаруживает самодостаточность, само-

пустоты, скуки, от которой ищут избавления через возобновление озабоченного временения или через погружение в игру, в телевизор, в раскладывание пасьянса, решение кроссвордов и т. д.

¹⁷ Прекрасное описание детского восприятия мира как особенного, символически углубленного, таинственного можно найти в мемуарах философа и священника отца П. Флоренского (*Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание*. М. : Моск. рабочий, 1992. С. 24–188).

¹⁸ Даже в границах обусловленного ситуативными нуждами повседневности хронопоэзиса установка на Другое дает шанс на преобразование переходного настоящего домашних дел в непереходное настоящее, когда, например, заварка чая и то, что ей предшествует, а также сам процесс чаепития освобождаются от логики необходимых действий, замыкаются на себя, освобождаясь от заботы, преобразуя целесообразное действие в ритуал, который ни к чему вне себя не отсылает, давая место Другому (и с ним — (на)стоящему настоящему). Когда в повседневном открывается нечто поэтическое, оно становится эстетически самоценным и самовластным. Вертикальная установка эсхатологической старости нацеливает на перевод переходного настоящего (настоящего, соотносимого с прошлым и будущим) *ситуативного временения в (на)стоящее настоящее* эсхатологического хронопоэзиса, на перевод повседневного в неповседневное.

И хотя *полностью* преобразить переходное настоящее бытовых забот в непереходное едва ли возможно, но расширение времени, свободного от бытовых забот — та задача, которую ежедневно решает эсхатологическая старость.

цельность, тавтологичность. Доверие и открытость — это то, что сближает эсхатологическую старость с игровым детством и с игровым режимом отрочества. Дети верят «на слово» и принимают вещи такими, какими они им себя явили. Они, как и ветхие старики, просто живут, ни о чем не сожалея и не загадывая на будущее¹⁹.

Простота и открытость, *отсутствие «своего»* в игровом детстве и эсхатологической старости указывают на причину амбивалентности народных представлений о старых и малых, о чем шла речь в начале этой статьи: дети и старики глупы в вопросах практической жизни, но они ближе к Истине, чем многоопытные и полные сил взрослые, которые всегда «себе на уме» и носят «дела, как шелка».

До-историческое бытие ребенка и пост-историческое бытие ветхих стариков едины, поскольку экзистируют свободно от прагматических отягощений реализующего себя «я». Ребенок *не готов к жизни отложенным результатом* (ради которого взрослые из года в год делают свою жизнь, преодолевают себя), а ветхая старость перешла границу жизни, структурированной целеполаганием, обещанием и ожиданием результатов в границах индивидуального века. Благодаря непереходности настоящего и свободе от диктатуры надситуативного временения ветхому легче найти общий язык с ребенком, чем с молодыми и зрелыми энтузиастами жизнестроительства. Края жизни соединяются, когда ладони открыты. В ладошке ребенка легко умещается морщинистая ладонь старца.

Вместо заключения. Самоценное в детстве и старости (метафизика настоящего и инверсия маргинального и нормативного).

Сравнительный анализ четырех формаций детства и разнообразных модусов старости показал, что между ними имеется нечто общее. Каждому модусу детства соответствует определенные типы старости. В основе параллелизма возрастов за границами «нормальной взрослости» лежит их полная (не способность к временению) или частичная (за отсутствием надситуативного уровня временения) а-хрония, в то время как темпоральный профиль взрослости определен надситуативным хронопозисом. А-историзм при-другом-бытия сближает детей с неработающей по целям старостью.

Если оставить в стороне несамостоятельную старость и соответствующие ей возраста детства (младенчество, ясельное и игровое детство) как а-хроничные модусы существования, то главной особенностью и детей, и стариков следует признать их способность жить настоящим, тем, что происходит теперь.

¹⁹ У детей еще нет пред-убеждений и подо-зрений, потому что нет устоявшихся представлений о мире (ни самостоятельно выработанных, ни полученных извне), нет планов на будущее, нет опыта «двойной игры», «камуфляжа», потребности и способности «выдавать собственный интерес за общий» и т. д. Их открытость и простота — не их заслуга. Эсхатологическая старость заслужила простоту взгляда, *освободившись от груза*, собранного «я» за многие годы. Она сбросила *лишний груз*. Он был полезен для *успешной* жизни, но для ветхой старости превратился в балласт. Он только мешает тому, кто пребывает между концом персональной истории и физической (или ментальной) смертью.

Жизнь в настоящем может пониматься широко, как жизнь, обусловленная текущей ситуацией, но ее можно понимать и как погруженность в *теперь* без соотнесения с *было* и *будет*. В первом случае *непереходна ситуация* (она не вписана в надситуативный горизонт), но настоящее соотнесено с прошлым и будущим в данной ситуации. Во втором случае непереходно замкнутое на себе настоящее.

Хронопоэзису мелочной (ситуативно-адаптивной) старости соответствует отроческое временение в школьно-домашней ситуации, к которой отрок адаптируется к настоящему как ситуации, которая делится на настоящее, прошлое и будущее. Производству (на)стоящего настоящего в эсхатологической старости соответствует погруженность игрового детства и отрочества за рамкой школьно-домашней ситуации в настоящее игры. (На)стоящее настоящее эсхатологической старости также непереходно и тавтологично, как настоящее игры в широком смысле (не только игры «во что-то», но и игры с окружающим миром). И до-историческое бытие ребенка, и пост-историческая жизнь ветхого старца определяют как хронопоэзис непереходного настоящего, так и циклическое (а-историческое) временение, отвечающее требованиям сложившейся ситуации.

Однако общность в характере временения не отменяет дистанции, отделяющей временение ребенка от временения ветхого старика. То, что в детстве является эффектом возрастной расположенности, в старости требует волевого усилия и решительного отказа от самореализации в пользу самого по себе хорошего.

Ребенок, который играет с сущим подобно Богу, воздвигая и разрушая миры, заворочен таинственностью мира, полного волшебства и бесконечно интересного в своих явлениях (будь то бабочка, осколок стекла, корень растения, etc.). В сущем он открывает Другое, которое еще не присвоено его эмпирическим «я», так что ребенок изумляется ему в сущем, которое открывается как особенное, интересное. Старик, сбросивший «кожу» своего эмпирического «я», возвращается в мир, где есть то, что есть само по себе, а не как средство для я-экспансии.

И в настоящем ребенка, и в настоящем ветхой старости содержательность жизни, ее «наполненность» зависит не от «я», а от Другого, являющего себя в том, что самодостаточно. Отсюда *переворачивание представления о «нормальном» и «маргинальном»* применительно к оценке возрастных различий. Отнесение возраста к норме или к возрастной маргинальности зависит от того, из чего мы исходим, вынося такую оценку: из имманентного (из становления в рамках индивидуального века, из целеполагания), или из трансцендентного (из того, что непреходяще, из вневременного).

Если наш взгляд определен миром сущего (горизонтальным измерением мира), тогда нормой жизни будет взрослость, а ее вершиной — зрелость. В этом случае детство будет восприниматься как подготовка к зрелости, а покинувшая беговую дорожку самореализации старость как деградация, как отход от нормы, спуск с горы.

В том случае, если взгляд определяет «встроенная» метафизика, а норма мыслится как бытие в единстве с Другим, тогда маргинальным (условным, ограниченным, межеумочным, переходным) окажется существование, устремленное к горизонтально локализованным целям. Здесь в качестве *нормальных*

(соответствующих метафизической природе человека, а, стало быть, нормативных) предстанут те моменты (события, состояния, периоды) жизни, в которых настоящее непереходно. Если норма трансцендентна, а *(на)стоящее настоящее* — это темпоральный образ Другого, тогда борьба за достижение внутримирных целей и задач (взрослость) с переходным настоящим можно понять и истолковать как маргинальное время ослабления-забвения того, что хорошо само по себе.

Два подхода к оценке детства, взрослости и утратившей перспективу старости обусловлены различием базовых экзистенциальных позиций: горизонтальной (имманентной) и вертикальной (трансцендентной).

С позиций внутримирно ориентированного человека детство и пост-взрослая старость маргинальны, а трех-временной хронопозис — высшая форма организации человеческой экзистенции. С позиций, исходящих из конститутивности для человеческого бытия вертикального измерения, разные возраста не могут быть сведены к одному измерению с единственной нормой. Вертикальный взгляд на человеческое бытие признает возможность выхода к *(на)стоящему настоящему* из разных возрастов, но детство и старость выделены в нем как модусы существования, более других возрастов располагающие к хронопозису настоящего настоящего.

Признание игрового детства, отрочества и эсхатологической старости возрастами, выявляющими человеческую норму, совместимо с признанием их маргинальности в горизонтальном измерении самореализации. В последнем случае период активной борьбы за самореализацию и социальное признание окажется человеческой нормой, детство — развитием до нормы, а старость — ее эрозией, сдачей позиций. Маргинальное и нормальное в оценке возрастов человеческой жизни меняются местами в зависимости от того, что полагают мерой (нормой) человеческого в человеке: временное или вневременное, сущее или Другое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибихин В. В. Общение без индивида // Слово и событие / В. В. Бибихин. Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. URL: http://bibikhin.ru/obshenie_bes_individa (дата обращения: 20.09. 2019).
2. Косилова Е. В. Философия возраста: Взаимосвязь экзистенциального и познавательно взросления человека. Москва : ЛЕНАРД, 2014. 160 с.
3. Лишаев С. А. К типологии старческого этоса. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. 2 (22). С. 13–23.
4. Лишаев С. А. Четыре возраста детства // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2016. № 3. Вып. 2. С. 145–156.
5. Милевски И. Кто рискует в старости заболеть деменцией? URL: https://med.univer.com/Medical/Neurology/starcheskoe_slaboumie_demencia.html (дата обращения: 26.09. 2019).
6. Седакова О. А. Путешествие с закрытыми глазами: Письма о Рембрандте. Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2016. 120 с.
7. Секацкий А. К. Неспешность: онтологические и теологические аспекты // EINA1: Проблемы философии и теологии. 2012. Том 1. № 1/2 (1/2). С. 21–34.
8. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. Москва : Московский рабочий, 1992. 560 с.